

УДК 408.7

НАИМЕНОВАНИЯ ЛЮДЕЙ В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

© 2011 Ю.В. Седойкина

Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского

Статья поступила 18 февраля 2010 г.

Аннотация: В статье на материале лексики наименований лиц брянских говоров изучаются лексико-семантические связи, исторические пласты, способствующие раскрытию истории брянских говоров в ареальном аспекте. Выявлены элементы заимствований из близкородственных белорусского и украинского языков. Прослеживаются связи брянской лексики с наречиями, диалектными группами русского языка.

Ключевые слова: ареальные связи слов, лексико-семантические диалектизмы, близкородственные языки, переходные говоры.

Annotation: On the basis of personal nomination of Bryansk dialects the article deals with the lexico-semantic ties and historical layers enabling to reveal the history of Bryansk dialects viewed under the area aspect. We find the elements of borrowings from genetically close Byelorussian and Ukrainian languages and retrace the relationship of Bryansk vocabulary with dialects and dialectical groups of the Russian language.

Key words: area word relationships, lexico-semantic dialects, genetically close languages, transitional dialects.

В данной статье мы рассмотрим различные ареальные связи лексики брянских говоров с другими восточнославянскими языками и говорами. Сопоставления строятся на показаниях различных словарей восточнославянских языков и говоров.

Изучаемая тематическая группа лексики брянских говоров распадается на несколько микрогрупп: 1/ брянские наименования, известные всем восточнославянским языкам; 2/ брянские наименования, известные, кроме русского, белорусскому языку; 3/ брянские наименования, известные, кроме русского, украинскому языку; 4/ брянские наименования, известные в различных русских говорах; 5/ собственно брянские слова.

I. ОБЩЕВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛЮДЕЙ В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ

Байструк, байстриюк, байстрия «внебрачный ребенок» [8, 47]. В укр. *байструк* «устар., презр. Внебрачный ребенок» [6, 75], в СГ *байстриук, бай-*

стер, байстр «внебрачное дитя» [11, I, 21-22]. В бел. *байструк* «устар., презр. то же» [4, 427].

В русских говорах лексему в указанном значении знают по меньшей мере в территориально близких смоленских, где, впрочем, она известна и в значении «бойкий, шустрый мальчик», в воронежских говорах [10, II, 57], в более отдаленных донских говорах *байстриук* – в «брянском» же значении [2, 32]. Обращает на себя внимание знание лексемы, правда, в иных значениях, на обширной русской территории: в костромских *байстриук* «бранно – леший, чертенок», в самарских *байстрик* – «жердь, которой прижимают сено на возу; гнет», в амурских *байстрак* – также «гнет» [10, II, 57]. Значения слова в костромских, самарских и даже амурских говорах отдаленно перекликаются с брянским, смоленским и донским значениями благодаря элементу переносности.

Варажбит – «колдун, человек, занимающийся ворожбой» [8, 61]. П.А. Расторгуев поясняет, что данное слово в настоящее время почти вышло из употребления. Еще в 1704 г. Ф.П. Поликарпов, хорошо знавший родной русский язык, в своем

© Седойкина Ю.В., 2011

«Лексиконе трехязычном», стремясь избегать в нем слов невеликорусского происхождения, но, по замечанию Я.А. Спринчака, будучи в то же время в этом «непоследовательным», оставил в своем словаре целый ряд слов белорусского и украинского языков, в том числе слово «ворожить» [11, 97]. Стало быть, первоначально это слово принадлежало не русскому языку и лишь позже вошло в его состав.

В современном украинском языке слова *ворожити*, *ворожитка* также используются как синонимы слов *ворожка*, *ворожилъ*, *ворожила* [7, 166]. В совр. бел. слово *варажбіт* известно в значении «колдун» [4, 120].

Скнѣра, скнѣрь – «скупой, жадный человек» [8, 99]. Словарь В.И. Даля слово не приводит. В совр. бел. *скнара* представлена не только брянскими говорами. Ее знают в тождественном значении «навязчивый, надоедливый человек» также пензенцы, называющие так и человека, причиняющего огорчения, никчемного человека [10, VIII, 288]. В русских говорах Белоруссии «разг., неодобр.» [4, 795], укр. лит. *скнара* – «супец» [7, 110].

Назѣла «о навязчивом, надоедливом человеке» [1, 221-222]. В.И. Даль данного слова не приводит, но указывает на однокоренное тул. *назолник* в ином значении: «обидчик, огорчитель» [3, II, 417]. В самарских, саратовских, владимирских, пермских и екатеринбургских говорах *назой* называют и навязчивого, и вообще плохого человека и плохого работника [там же]. В украинском языке слово функционирует в близком значении: «причиняющий много хлопот» [11, II, 490], в белорусском – в тождественном с брянским: «надоеда, приставала (о надоедливом человеке)» [4, 590]. Возможно, уже в период восточнославянского языкового единства в нем возникло первичное значение слова: «тоска, печаль». В совр. бел. сохраняется *дакука* – «забота, печаль, горе, досада» [4, 484]. СРНГ указывает на большое число русских говоров, в которых слово бытует в таком же значении: пенз., сарат., смол., сиб., иркут., ворон., ряз., волог., олон., и мн. др. [10, XVIII, 286-287].

II. БРЯНСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ, ИЗВЕСТНЫЕ БЕЛОРУССКОМУ ЯЗЫКУ

Взаимодействие брянских говоров с белорусским языком, судя по их лексической общности, в течение многих веков было очень активным. В данном случае мы говорим не о периоде древнерусской языковой общности, а о времени уже после обособления трех близкородственных языков, когда начинали по-разному развиваться заложенные еще в общевосточнославянский период языковые потенции, а также внутри каждого из обособившихся языков начинали формироваться тенденции новые.

Бубен «перен. пустослов, хвостун» [9, II, 17]. Такое переносное значение, несомненно, развилось из прямого – «ударный музыкальный инструмент»,

также отмеченного для Брянщины составителями этого словаря. Слово с финалью на твердую согласную в переносном значении имеет, однако, на русской почве, судя по лексикографическим источникам, значительно меньшую распространенность, чем в прямом. СРНГ приводит его в значении «человек, слишком много говорящий, болтун» лишь четвертым в лексико-семантической структуре слова в русском диалектном языке, указывая только на Обоянский курский говор [10, III, 232]. В.И. Даль приводит слово в ином значении «голыш; человек, все промотавший», но, к сожалению, без территориальных помет [3, I, 134]. Лексема *бубен* в переносном брянском значении отсутствует в украинском языке (СГ и РУС его не фиксируют), но в бел. известен как слово литературное, разговорное, как синоним к словам *ворчун* и *бормотун* [4, 435].

Лантрыга «бездельник, плут; человек, который непроч и взять что-н.» [8, 148]. В.И. Далем с пометами «кур., твр., пск.» приведен вариант «лантрига», отсутствующий в брянских говорах, фактически в том же значении: «мот, праздный гуляка, тунеядный обманщик» [3, II, 236]. Обращает на себя внимание наличие корневых образований в белорусском и украинском языках: бел. *лотра* «прост., бран. (о мужчине) лодырь, лентяй, бездельник; (о женщине) лентяйка, бездельница» [4, 565], укр. *лотр* «вор, разбойник, грабитель, бездельник, плут, негодяй» [11, II, 378], совр. укр. диал. *лотр* «разбойник» [7, 983], диал. *лотра* «развратница» [11, II, 378].

М. Фасмер предполагает появление слова в русском через белорусский и украинский языки, в которых – через польское *lotr* «плут, злодей» или чеш. *lotr* «бандит, негодяй» – из ср.-в. – нем. *Loter* «легкомысленный» [12, II, 523]. Вполне возможно, что на русскую почву слово проникло как раз через соседние брянскую или смоленскую территории. Проникая через них в глубь русской земли, семантическая составляющая слова «расшатывалась», расширялась (ср. семемы слова в донских говорах). Семантические инновации сопровождались инновациями формы (фонетическими, морфемными), что вполне соответствует теории «лингвистической непрерывности», «теории волн» Иоганна Шмидта. Кроме того, направление движения слова на восточнославянской территории подтверждается и фактом усложнения структуры слова на русской почве, появлением словообразовательных суффиксов *-ыг-*, *-ан-*: известно, что в соответствии с одним из принципов лингвистической географии слово, имеющее словообразовательный аффикс, возникло позже корневого слова [5, 144].

III. БРЯНСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ, ИЗВЕСТНЫЕ УКРАИНСКОМУ ЯЗЫКУ

С украинскими землями, как и с белорусскими, Брянщину связывают очень давние, можно сказать исконные, языковые, культурные, этногра-

фические, административно-политические и иные отношения. Поэтому обнаруживаются активные взаимные заимствования между этими близкородственными языками.

Дядина «тетя, жена дяди» [9, V, 52; 1, 99]. На русской почве слово известно, в таком же значении, в обоих наречиях, но преимущественно в северном, как минимум в волог., арх., печор., помор., олон., новг. говорах. Из южных СРНГ указывает только на смол. [10, VIII, 306]. Именно по этой причине мы полагаем, что в западных русских говорах слово закрепилось не без влияния украинского языка [11, I, 461]. В бел. слово не отмечено.

Тюхтій «увальень, неповоротливый, ленивый человек» [9, 265]. Приводимые В.И. Далем глагольные формы нижегородских говоров *тюхтить*, *тюхтячить* «хлебать, есть много, долго, медленно» [3, IV, 452] в какой-то мере проясняют мотивацию слова. Кроме того, в брянских говорах известен глагол *тюхать* – тяжело ходить [1, 346]. В Словаре Б.Д. Гринченко: *тюхтій* – увальень, тяжелый на подъем [11, IV, 300]. Чередование [і] с [е] в украинских и русских соотносительных морфемах, как известно, имеет регулярный характер и свидетельствует, как правило, о древнерусской праформе *ѣ*. В бел. в значении «увальень» известна иная словоформа – *гультай* [4, 344].

Молодік «молодой парень, жених» [1, 208]. То же в смоленских, а также в саратовских говорах [10, XVIII, 224]. В укр. разг. *молодик* – юноша, холостой мужчина [7, 498], «1. Молодой, неженатый человек. 2. Молодой месяц, первая четверть луны, новолуние» [11, II, 441]. В бел. совсем иное, чем в брянских говорах, но тождественное второму из украинских значений: *маладік* – молодой месяц, луна в первой четверти [4, 570]. У В.И. Даля без терр. пометы «молодик» – молодой месяц [3, II, 333].

IV. БРЯНСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ СОБСТВЕННО РУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Среди русских номинантов лиц в брянских говорах, по данным диалектной лексикографии, выделяются: 1) номинанты, функционирующие в обоих наречиях русского языка; 2) номинанты, известные в одном из наречий русского языка.

IV. 1. БРЯНСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ, ИЗВЕСТНЫЕ В ОБОИХ НАРЕЧИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Вековуха «немолодая девушка, не бывшая замужем; старая дева» [9, II, 42]. В.И. Даль зафиксировал слово в значении «заматерелая девка» в южных (тульских), среднерусских (владимирских) и северных (вологодских) говорах [3, I, 330]. Это слово известно также в курских и ярославских говорах [10, IV, 102 – 103]. В ряде говоров наблюдаем

финали щипящий – *вековуха*: дон., пенз., ряз., сарат., костр. [10, 4], появление которого нельзя объяснить фонетически. Видимо, здесь оказал влияние процесс аналогии, как известно, широко развитый в диалектной речи.

В рассматриваемую группу по теоретическим соображениям можно включить и номинанты, известные, кроме южнорусского наречия, также среднерусским говорам. Один из них – *балабон*.

Балабон «перен. болтун» [9, I, 26]. Слово как обозначение *балагура*, *болтуна* известно, как минимум, в южнорусских смол., калуж., орл, курск., тул., ворон., ряз. говорах [10, II, 67], дон. [2, 32] и др. Отмечено оно также в Тверской подгруппе Владимирско-Поволжской группы восточных среднерусских окающих говоров. Этому слову также свойственна территориальная семантическая вариативность. Так, в донских говорах знают его в значении «человек, говорящий невнятно» [2, 33].

IV. 2. БРЯНСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ, ИЗВЕСТНЫЕ В ЮЖНОРУССКОМ НАРЕЧИИ

В новозыбковском говоре Брянщины нами записано слово *гуля* в значении «любимый человек, возлюбленный», бытующее, по данным СРНГ, также в тульских и тамбовских говорах [10, VII, 221]. Составители СБГ отметили на Брянщине эту лексему и в орнитологическом значении: «ласк. Птица *Golumba*, голубь» [9, IV, 73], откуда, на наш взгляд, возникло и переносное значение.

Халыва «неопрятный человек» [8, 275]. П.А. Растргуев обнаружил и прямое, первичное значение: «голениище сапога». В.И. Даль, отмечая слово во втором значении с пометой «юж., зап.», приводит без указания на территорию слово и в значении лица: «бран. неряха, растрепан, неопрятный // вялый, сонный, ленивый и дрянной // непотребная женщина» без территориальных помет [3, IV, 541-542]. В бел. и укр. знают слово лишь в прямом значении [4, 876], [12, 873].

IV. 3. СОБСТВЕННО БРЯНСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ

Этот разряд номинантов образуют такие, которые удовлетворяют следующим требованиям: 1) слово в местном, брянском, значении отсутствует в белорусском и украинском языках; 2) лексема, то есть план выражения слова, не известна в каких-либо других говорах русского языка; 3) лексема известна в других говорах русского языка в другом значении; 4) корень слова известен и другим русским говорам, однако, аффиксально оформленный, он имеет, во-первых, семантику наименования лица; во-вторых, именно «брянскую семантику» как противопоставленный семантический диалектизм.

Дуда – «ребенок, сосущий грудь матери» [8, 95]. В русском диалектном языке с этой лексемой в самых

разных говорах связано немало семем, отображенных в лексикографических источниках. В большей части говоров слово обозначает музыкальный инструмент, дудку: брян., дон., смол., тул., пск., нижегор., хакас., казан., моск., петерб., твер. и др. [10, VIII, 246]. Кроме того, местная речь знает и семемы, связанные с именовани-ем людей: «перен. человек, который говорит густым басом (тул.)»; «дурной человек» (калуж.); «человек с дурным, несговорчивым характером (смол.)» (там же); «о том, кто много пьет воды, квасу, браги», без терр. помет [3, I, 499]. Дистанция между брянским и, например, тульским или «далевским» значениями, как видим, огромна.

Бекешика «непонятливый, несообразительный человек» [9, I, 42]. Безграничная народная фантазия очень часто создает ассоциации таких внеязыковых реалий, явлений и процессов, которые с точки зрения логики не кажутся сколько-нибудь обоснованными. К ним можно отнести и «бекешку» в брянском значении. Во всех известных словарях слово приводится только в своем исходном значении. Так, в ТСД читаем: «*бекеш, бекешика* – сертук, кафтанчик или чекменек на меху» [3, I, 81]. В СГ: «род верхней одежды: крытая сукном овчинная шуба с талией» (11, I, 48). **Займствованное** из венг. (*bekes*) через польский (*bekiesza*) [14, I, 46], слово вместе с реалией первоначально, видимо, осело в украинской культуре и украинском языке, затем проникло и в русскую культуру, о чем свидетельствует широкое использование слова в текстах русской художественной литературы XIX в. Бекешу, или бекешку носили люди простого звания, небогатые, не очень образованные.

Боска «человек, чуждающийся работы, лентяй» [9, I, 74]. Адекватные связи слова со словами других территорий установить пока невозможно. В подтверждение такого вывода приведем имеющиеся в говорах близкие по звучанию и грамматической оформленности слова. В «Опыте областного великорусского словаря» слово приведено для крайне удаленных архангельских говоров «Боска. Собака» [6].

Таким образом, даже количественно незначительный материал позволяет увидеть исторические

пласты брянской лексики, отражающие разные эпохи и направления влияний на них и пути формирования генетически собственного брянского лексикона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брянский областной словарь / отв. ред. Н.И. Курганская. Брянск, 2007.
2. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В I-IV / В.И. Даль. – М., 1995.
4. Новейший русско-белорусский и белорусско-русский словарь / авт.-сост.: З.И. Бадевич, Ж.Е. Белокурская, Н.А. Борковская. – Минск, 2007.
5. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. – М., 1973.
6. Опыт областного великорусского словаря / под ред. А.Х. Востокова. – СПб., 1852.
7. Російсько-український словник / за ред. В.В. Жайворонка. Київ, 2003.
8. Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров) / П.А. Расторгуев. – Минск, 1973.
9. Словарь брянских говоров / под ред. В.И. Чагишевой, В.А. Козырева. – Вып. 1-5. – Л., 1976–1988.
10. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. – Вып. 1-29. – М.-Л., 1965–1995.
11. Словарь української мови : В 4-х т. / Ред. Б. Гринченко. – Киев, 1907–1909.
12. Українсько-російський словник / відп. ред. Л.С. Паламарчук, Л.Г. Скрипник. – Київ, 1985.
13. Спринчак Я.А. К вопросу о взаимовлиянии русского и украинского национальных литературных языков в начальный период их формирования // Вопросы образования восточнославянских национальных языков – М., 1962.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – В 4 т. – М., 1964–1973.

Седойкина Ю.В.
аспирант, Брянский
государственный университет им.
ак. И.Г. Петровского
E-mail: julchik-sed@bk.ru

Sedoykina Yu.V.,
post-graduate, ryansk State University in the name of
academician I. G. Petrovski